

Еженедельник общественной и политической мысли

„POSSEV“
 Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache Deutschland
 Social and Political Review in Russian German
 Hebdomadaire Social et Politique en langue russe Allemagne
 Издательство и редакция: Verlag „Possev“
 Limburg/Lahn, Deutschland
 Условия подписки: 5 ном. — 3 НМ 10 — 6 НМ и г. а
 Условия приема объявлений: 1/16 — 60 НМ 1/8 —
 100 НМ, 1/4 — 180 НМ, 1/2 — 350 НМ, 1 стр — 700 НМ
 Bankkonto: Limburger Bank V 14. Postscheckkonto:
 Frankfurt-M. 33 461.

Выходит по воскресеньям.
 Цена номера а розничной продаже 70 пфен.

VI ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 8 ОКТЯБРЯ 1950 г.

№ 41 (228)

ПЕРЕД ПАМЯТНИКОМ ПАВЛИКУ МОРОЗОВУ

Е. Романов

Имя поэта Степана Щипачева широко известно в стране среди людей, интересующихся литературой. Его лирические стихи подкупают искренностью и, мы бы сказали, героической нежностью. У него небольшая, но полноценная талант. Даже казенные темы, за которые он по необходимости брался, выходили у него из-под пера стихами более удобочитаемыми, чем у многих его талантливых и именитых коллег. Недавно в «Литературной газете» появилась статья, в которой Степан Щипачев был подвергнут довольно резкой критике за неудавшуюся поэму. Тема поэмы — история Павлика Морозова.

История эта широко известна. В годы коллективизации экзальтированный крестьянский мальчик под влиянием пропаганды о «наступающем коммунистическом рае», сообщил оперативному уполномоченному ГПУ о том, что его отец прячет зерно. Зерно было найдено, а отец арестован и сослан. Потрясенный всем происшедшим, дед Павлика убивает внука. При этом деду помогает двоюродный брат Павлика, пятнадцатилетний подросток. Старик и мальчик были расстреляны.

Было бы упрощением сводить поступок Павлика к простому доносу, как делают многие. Здесь, несомненно, налицо были фанатизм веры в «рай на земле» и сквозь эту веру преломленная иерархия моральных понятий. Сумятицу же в детскую душу внесли те, кто на место Бога и Небесного рая подставляет «вождя» и «коммунистический рай».

В поступке же деда Морозова разве не звучат тарасовские слова «я тебя породил — я тебя и убью»? Так же как Тарас Бульба воспринял поступок Андрия, как измену товариществу казацкому, православной вере, так и старик Морозов поступок Павлика воспринял, как измену делу крестьянскому, измену борьбе крестьянства за свою душу. Ибо ошибаются те, кто сводит сопротивление русского крестьянства коллективизации к борьбе только за определенный порядок владения материальными ценностями. Нет, крестьяне наши боролись, кроме того, за весь уклад своей жизни, за свою самостоятельность, за свою душу, наконец. Так понимая происходящее вокруг него, мог ли дед Морозов поступить иначе?

Такое отношение к предательству не есть характерная черта нашего народа. Вспомним один из серии корсиканских рассказов Мериме: мальчик, соблазненный богатым подарком, выдает жандармам беглеца, спрятавшегося в доме его отца. Когда жандармы уводили выданного, тот бросил отцу мальчика: «Я не знал, что в твоём доме есть предатель». Отец увел сына в лес и там застрелил его.

Но разве можно относиться к поступку ребенка так же, как к поступку взрослого? Не с другими ли мерками надо к нему подходить?

Конечно, убийство двенадцатилетнего Павлика не может не ужасать. Ну, а

расстрел его двоюродного брата, разве не ужасен? Вспомните рассуждения Достоевского о казни, которые он вкладывает в уста князя Мышкина. Убийство по приговору — более бесчеловечно, чем убийство простое. Ведь здесь внезапность избавляет от нравственных мучений. И вспоминая Павлика, погибшего под ударами топора, вспомним и пятнадцатилетнего мальчика, его двоюродного брата, долгие ночные часы ожидавшего в камере, когда придут за ним и поведут на расстрел. Когда его вместе с дедом, — тем дедушкой, который и ему и Павлику, наверное, вырезал свистки, покупал леденцовых петухов на базаре, учил ходить за плугом, который так ласково умел гладить шершавой, изработавшейся рукой по их белокрысым головкам — вместе с дедом сведут в забрызганный кровью гараж или подвал и там оборвется его молодая жизнь. Может быть он кричал, когда его вели? Не о нем ли писал повешенный генерал Мальцев в своей книге? Помните: по коридору вели подростка на расстрел. Он бился, вырывался и кричал: «Мамочка, мамочка». В камерах поднялся шум. Тогда подскочили двое и что-то вроде железного обруча надели на голову и под подбородок и челюсти стиснули. Мальчик мог только мычать. И его мычащего били и волокли дальше по коридору к месту казни.

Вот, надо вспоминать все это, когда приходится говорить о большой трагедии простой крестьянской семьи Морозовых.

Конечно, Щипачев почти ни о чем этом не вспомнил в своей поэме. Его задача была — прославить Павлика и призвать всех детей наших к подражанию несчастному ребенку. Но, как настоящий художник, он не мог не почувствовать всего величия темы и всей узости, убогости поставленных ему рамок. И вся его поэма получилась фальшива. И эту фальшь не могли не заметить даже официальные критики. А читатели ее почувствуют и подавно. Особенно молодые.

Кстати, о молодых читателях. В июньском, кажется, номере «Нового мира»

В номере:

А. Комов
ДВА ШАГА ВПЕРЕД

Г. Андреев
ЦВЕТЫ ПОД САПОГОМ

А. Авторханов
ПОКОРЕНИЕ ПАРТИИ